НЕТ, НЕ ТОЛЬКО!

щих расходов по плану монументальной пропаганды, на мой взгляд, должны быть предусмотрены расходы и на то, и на другое.

ХОЧУ поделиться некоторыми мыслями, возникшими у меня при чтении статьи Е. Вучетича «Пафос времени» («Известия» № 28).

Я был рад прочесть в этой статье о том, что Министерство культуры СССР вместе с Академией художеств работают сейчас над большим планом монументальной пропаганды. И от всей души желаю успеха этой благородной работе, в которой, конечно, огромная роль будет принадлежать нашим архитекторам-скульпторам.

Но у меня вызвали тревогу те положения статьи Е. Вучетича, из которых явствует, что он, по моему, односторонне смотрит на предстоящую работу.

Для ясности в споре приведу полностью тот абзац статьи Е. Вучетича, о котором пойдет речь.

«Монументальное искусство и сегодня развивается в борьбе. Под видом якобы искоренения помпезности делаются попытки лишить монументальное искусство его главного содержания — утверждения положительного героя, подлинной величественности. Кое-кто требует, к примеру, заменить памятники на местах сражений блиндажами и окопами. Они-де лучше передают героизм боевых дней. А разве могут рассказы непосредственных участников боев заменить романы, повести, поэмы? Конечно, нет! При всех достоинствах личных свидетельств участников войны они не могут заменить художественную литературу, искусство. Только художественные произведения (разрядка моя. — К. С.) в своих собирательных образах способны во всей полноте выразить величие подвига и страдания нашего народа в годы войны».

Во-первых, что такое «подлинная величественность»? И закономерно ли противопоставлять ее

помпезности и гигантомании? Я думаю, что вполне закономерно.

Думаю, что скромные, строгие и простые формы Ленинского Мавзолея не делают его менее величественным. Я думаю также, что если бы в данном случае архитектор искал величия прежде всего в масштабах, то этот, увеличенный в несколько раз в своих размерах, Мавзолей не стал бы от этого более величественным. Вмурованные в Кремлевскую стену доски с именами людей, отдавших жизнь за революцию, при всей своей скромности тоже величественны. Думаю, наконец, что в сравнительно небольшой по своим размерам, строгой скульптуре И. Шадра «Будылжник — оружие пролетариата», о которой упоминает Е. Вучетич, есть сила и величественность, рожденные не масштабами скульптуры, а величием мысли и силой таланта.

Я далек от мысли, что кто-то может предписывать скульпторам и архитекторам, какие памятники они должны создавать — большие по размерам или небольшие. Памятники могут и должны быть разные, в том числе и разные по масштабам. Но меня тревожит ход мыслей, по которому огромного значения события должны быть непременно запечатлены в огромных по размерам памятниках. А нечто похожее именно на такой ход мыслей, как мне показалось, содержится в статье Е. Вучетича.

Но главное, с чем мне хочется поспорить, это с ложной, на мой взгляд, попыткой противопоставления скульптурных памятников героям войны и тех материальных свидетельств отгремевших битв, которые еще сохранились на местах боев.

Е. Вучетич пишет, что «кое-кто требует заменить памятники на местах сражений блиндажами и окопами». Во-первых, никто этого не требует. Памятники народным под-

Константин СИМОНОВ

□ □

вигам — вещь священная, и там, где они уже стоят, они и должны стоять, даже в тех случаях, когда некоторые из них не соответствуют нашим нынешним эстетическим вкусам. Вкусы — дело переходящее, а памятники, повторяю, вещь священная.

Речь идет совсем о другом, о том, как запечатлеть память об отгремевших битвах там, где мы об этом еще не позаботились. Надо ли всегда ставить на местах боев скульптурные памятники или, быть может, во многих случаях можно сохранить или восстановить материальные свидетельства боев? Да, и окопы, и блиндажи, и остатки некогда задержавших врага стен, и некогда грозное, изуродованное боевыми шрамами оружие! И я убежден, что во многих случаях это надо делать, тем более, что здесь в дополнение к усилиям художников открывается большое поле для широкой народной самостоятельности. И сама эта работа имеет огромное воспитательное значение.

Зачем же понадобилось Е. Вучетичу противопоставлять одно другому? Неужели, по его мнению, вполне естественное стремление — материально закрепить в памяти народа непосредственно следы былых сражений — представляет какую-то опасность для развития нашего монументального искусства в том числе монументальной скульптуры?

Для того чтобы подкрепить свое ложное противопоставление, Е. Вучетич обращается к литературе; дескать, «разве могут рассказы непосредственных участников боев заменить романы, повести, поэмы? Конечно, нет!»

Вполне согласен с этим. Но в свою очередь хочу задать вопрос:

разве можно романами, повестями и поэмами заменить рассказы непосредственных участников боев? И отвечаю с полным убеждением: нет, нельзя!

И то и другое существует рядом, дополняя друг друга, и на полках у читателей вперемежку стоят воспоминания участников войны и романы, и повести, написанные об этой войне писателями.

Кстати сказать, никто из писателей никогда и не делал попытки поставить вопрос: или-или. Никто не выражал опасения, что воспоминания участников войны могут силой своего непосредственного воздействия как бы отменить художественную литературу о войне. Другой вопрос, что сила воздействия многих из этих воспоминаний так велика, что писателям приходится задумываться над силой воздействия собственных художественных произведений о войне. Над тем, как им нужно работать для того, чтобы сила их художественных обобщений не бледнела перед правдой подлинных фактов. И писатели несомненно думают над этим. Но вместе с тем многие из них делают все, чтобы помочь рождению новых и новых мемуаров о войне, помочь самой широкой публикации воспоминаний. Да и странно и недостойно было бы, если бы писатели поступали иначе.

Естественно, что и большинство художников, скульпторов, архитекторов в самых разных местах страны стремятся помочь закрепить сохранившиеся материальные свидетельства войны, сделав это с художественным вкусом и тактом.

История войны закрепляется и в литературе, и в мемуарах. История войны должна присутствовать на местах минувших битв и в виде скульптурных памятников, и в виде мемориального закрепления, зывающих к нашей памяти следов отгремевших боев.

Добавлю, что в масштабах об-

Противопоставление, которое звучит в статье Е. Вучетича, уже опровергнуто на практике сейчас и будет опровергаться в дальнейшем.

В мемориальном ансамбле Бухенвальда, например, существует рядом и то, и другое — производящие незабываемое впечатление барак концлагеря, его газовые камеры, одиночки, места казней и столь же незабываемый скульптурный памятник Фрица Кремера, посвященный героям и жертвам Бухенвальда. Одно соседствует с другим, дополняя друг друга, и именно в этом сочетании особенно впечатляет.

Неизгладимое впечатление производят и развалины Брестской крепости с их памятными досками, с их надписями, нацарапанными рукой последних защитников. Рядом с ними через какое-то время будет стоять скульптурный памятник, он уже заложен. И надо прямо сказать, что перед его авторами стоит огромная сложность художественная задача — создать такое произведение искусства, которое бы говорило о прошлом с той же силой, с какой говорят о нем развалины Брестской крепости.

Но я глубоко убежден, что такие сложные художественные задачи по плечу нашим скульпторам и архитекторам. А само соседство произведения искусства с такой строгой вещью, как подлинные следы боев, сыграет свою положительную роль в борьбе со всякими рецидивами той помпезности и мнимой величественности, которые порой все еще дают о себе знать и в искусстве, да и в литературе.

Итак, пусть романы безбоязненно соседствуют с воспоминаниями и документами, а скульптурные памятники — с подлинными материальными свидетельствами и следами войны.